

«Когда я слышу звучание русского оркестра, я чувствую нечто, не поддающееся внятному описанию. Каким-то необъяснимым образом я ощущаю за ним долгую-предолгую историческую традицию»

Дирижер
Кент Нагано —
Газете

ревью

фестиваль

Кент Нагано: «Язык Бетховена близок и понятен всем, независимо от исторического времени и культуры»

сыграли без насилия

Кент Нагано на бетховенском фестивале

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ БОНН

В Бонне, на родине Бетховена, проходит представительный Международный бетховенский фестиваль. Старейший в Европе, он возник в 1845 году и был приурочен к 75-летию со дня рождения композитора. Тогда же состоялось открытие памятника на Мюнстерплатц, а на концертах присутствовали Лист и Берлиоз. С той поры фестиваль живет, то исчезая, то появляясь на музыкальной карте Германии.

Ежегодным боннский фестиваль стал в 1998 году. Новый интендант Франц Вильнауер, стоявший у истоков Зальцбургского и Шлезвиг-Гольштейнского фестивалей, расширил программу до пятидесяти концертов и привлек в Бонн крупнейших музыкантов. С 2004 года руководство взяла на себя Илона Шмиель. В этом году «звездопад» в Бонне продолжается: здесь выступают такие знаменитости, как Томас Хэмпсон, Джонатан Нотт, Джон Элиот Гардинер, Сакари Орамо, Леонидас Кавакос, Гидон Кремер и Татьяна Гринденко. Завершит фестиваль выступление выдающегося дирижера Франца Брюггена. Центральным же событием стал, без сомнения, концерт Немецкого симфонического оркестра Берлина под управлением Кента Нагано. Хорошо известный московской публике по нескольким концертам с РНО, в Германии Нагано еще более популярен. Немецкий оркестр Берлина он возглавляет давно. Единение душ коллектива и дирижера на концерте было очевидно: берлинцы выдавали звук немыслимой красоты и мягкости. Слитность, чуткость и опрятность исполнения — непредставимая для российского слушателя, привыкшего к неряшливой игре. В Германии считается дурным вкусом замазывать проблемы в подготовке партитуры бурлением страстей и темпераментом, сносящим на пути досадные препоны, словно бушующий во-

допад. Тут принят иной эталон красоты: глубокое и сосредоточенное проникновение в замысел композитора и донесение этого замысла до публики в первозданности. Что, впрочем, не исключает страсти и порыва. Первая симфония Шумана — романтически-приподнятое, юношески-максималистское высказывание, где слышатся и отголоски бетховенских бурь, и отклики берлиозовских фантазмов, была подана Нагано сильно, точно, скупым жестом — притом эмоции били через край. Медленную часть сыграли на грани сентиментальности, но так совершенно, что дух захватывало. Лихорадочно-эйфорическая кода эффектно увенчала здание цикла, искусно выстроенное дирижером. Симфонию сыграли во втором отделении, начало же вечера выдалось тихим, прозрачным и ясным. Опус Георга Бенджамина «Антара», созданный в 1987 году для Парижского Института электронной музыки, являл собою торжество пуантилизма. Редкие звуки возникали из тишины и в нее же возвращались. Таинственные шорохи и шелесты подкладывались под диалог флейт, поддержанных парой синтезаторов. Что-то застенчивое, свежее и хрупкое слышалось в этой музыке. Почти на всем протяжении пьесы ансамблевая ткань была прозрачной, а еле слышные позывания тарелок и треугольников невольно отсылали к треньканию моцартовских колокольцев «Волшебной флейты».

Второй концерт Бетховена, сыгранный чрезвычайно деликатно, казался естественным продолжением «Антара». Французский пианист Пьер-Лоран Эмар демонстрировал изящное и легкое туше; его Бетховен был истинным венцом — веселым, легкомысленным, с благодарностью принимающим простые радости жизни и изредка задумывающимся о смысле бытия. Поистине благородная игра: никакого насилия над материалом, никакой романтической экзальтации, сияющий классицизм чистой воды. Нагано и Эмар услышали коренное свойство бетховенской музыки — то, что подчас забывают интерпретаторы, привнес в Бетховена то социально-революционный пафос, то истерично-надрывный драматизм.

“мы привносим в музыку программное обеспечение”

Кент Нагано — Газете

В Бонне на Бетховенском фестивале выступил всемирно знаменитый дирижер Кент Нагано. В антракте с мазстро побеседовала Гюляра Садых-заде.

Только что в зале Бетховен-холла отзвучал Второй фортепианный концерт. Что для вас лично значит музыка Бетховена, какое место она занимает в вашей системе ценностей?

Бетховен по-прежнему остается для многих музыкантов центральной фигурой; его музыка занимает почетное место в нашем репертуаре. Бетховен был и будет актуальным сегодня, завтра и всегда. Почему? Для меня этот вопрос особенно интересен, ведь я смотрю на Бетховена с позиции музыки XX века, которую много играл. Я всегда стремился понять, какой характер музыки Бетховена так завораживает, цепляет современного слушателя. Думаю, объяснение в том, что Бетховен говорит с людьми языком обостренных человеческих эмоций. Этот язык близок и понятен всем, незави-

симо от исторического времени и культуры. Содержание музыки Бетховена — конфликты и их разрешение, противоречия, столкновения разнородного материала. А для человека нашего времени конфликты составляют суть всех общественных процессов. Музыка Бетховена разворачивает извечный конфликт между социальным и природным — как в натурфилософии Руссо. Гуманистический пафос этой музыки высок. Ценность классической музыки в целом, с моей точки зрения, определяется именно этим качеством: насколько она гуманистична, инспирирована ли она любовью к людям. В этом смысле непревзойденной вершиной для меня остается Бах.

Вы упомянули о бетховенских конфликтах, однако новая музыка, которую

вы так много играете, фактически снимает оппозиции, в системе которых мыслил Бетховен...

Это правда, XX век принес новый взгляд на мир. И эта новая система взглядов породила много разных композиторских систем и техник. Появились разные музыкальные языки. Но не будем забывать, что язык — всего лишь посредник, медиатор, призванный доносить до слушателя авторскую мысль, авторское видение. Язык — это инструмент, который можно подстроить под нужды говорящего. Однако универсальные человеческие проблемы нашим временем не сняты — и тут я вижу благодатную почву для привлечения к Бетховену новых слушателей. У нас нет никаких сведений о том, как именно в точности звучала музыка Бетховена в его время. То, что осталось, это содержание его произведений. Грубо говоря, у нас в распоряжении то, что хранится на жестком диске. А от себя мы привносим в его музыку программ-

ное обеспечение: наш жизненный опыт, наше слышание, наш взгляд на мир. От того, что мы установили на нашем «компьютере», зависит то, что именно откроется нам на жестком диске. Качество понимания Бетховена зависит от «начинки», от того, что у нас внутри.

Вы несколько раз приезжали в Москву, давали концерты с Российским национальным оркестром. Собираетесь ли продолжить сотрудничество с оркестром?

О да, конечно. Мы обсуждали с Михаилом Плетневым два, на мой взгляд, перспективных проекта. Я искренне считаю Плетнева замечательным композитором. И я спросил его, могу ли я исполнить несколько его сочинений для оркестра в Москве? Возможно, у нас сложится программа «Бах — Плетнев». В общем, мы с Михаилом обсуждаем пути дальнейшего сотрудничества. Другой проект пока в стадии становления, и гово-

рить о нем определенно еще рано. Могу только сказать, что я полюбил Россию; мы вместе с женой записали там на диск фортепианный концерт Шопена. Мне нравятся русские оркестры, их замечательное звучание. И меня влечет в Россию хотя бы потому, что там живет Плетнев, выдающийся пианист и композитор нашего времени, и просто чудесный человек.

Чем отличаются русские оркестры от немецких? Звучанием, манерой игры?

В русских оркестрах определенно слышится нечто особенное, то, что всегда их отличает от звучания европейских коллективов. И это свойство русских оркестров меня необычайно привлекает. Сейчас в РНО многое изменилось, и я нахожу, что в лучшую сторону. До сих пор мне не представлялся шанс исполнить русскую музыку с русским же оркестром. А мне было бы это очень интересно. Когда я слышу звучание русского оркестра, я чувствую нечто, не поддающееся внятному

японский европеец из Америки

Кент Нагано — один из самых востребованных дирижеров нашего времени. Родился в Калифорнии, в начале карьеры возглавлял симфонический оркестр в Беркли. Учился в Европе, поддерживал тесные дружеские контакты с Оливье Мессианом. С 1989 по 1998 год — худрук Лионской оперы, с 1990-го — главный приглашенный дирижер Лондонского симфонического оркестра. С 1991 по 2000 год возглавлял Halle Orchestra в Великобритании. Ныне — главный дирижер Лос-Анджелесской оперы и художественный руководитель Немецкого симфонического оркестра (Берлин). С 2006 года возглавит Баварскую оперу и примет руководство Монреальским симфоническим оркестром.

описанию. Каким-то необъяснимым образом я ощущаю за ним долгую-предолгую историческую традицию. Технические объяснения этому ощущению у меня нет... А теперь простите, мне надо бежать, пора уже идти пообщаться с залом.